

СЕРИЯ «СУВЕРЕННЫЙ ДАНЖ» • КНИГА 3

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ОРБИТАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

СУВЕРЕННЫЙ ДАНЖ

LITRPG • БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

Нейтон Патчер

Орбитальный протокол: Суверенный данж против Главного Сервера и мегакорпораций

<https://litres.ru/74449338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Война за недра окончена — наступает финальная битва за небеса. Максим Корсаков отстоял Анклав, но победа запустила таймер планетарной катастрофы: спящий суперкомпьютер «Альфа» активирован, а корневой ИИ «Демииург-0» начинает протокол глобального Стирания. В реальном мире наемники мегакорпорации штурмуют горный бункер, где техник Алёна защищает капсулу Максима. Чтобы спасти любимую, освободить миллионы игроков из цифрового рабства и уничтожить монополию Синдиката, Максим поднимает армию автоматов на километровый Орбитальный Лифт. Впереди — вакуумные баталии, схватка с машинным богом и долгожданное пробуждение в реале. Грандиозный гранд-финал трилогии-бестселлера!

Содержание

Глава	4
Глава 1. Зов стратосферы	5
Глава 2. Путь к Небесному Шпилю	19
Глава 3. Охотники в предгорьях	37
Глава 4. Три ключа Хранителей	49
Глава 5. Битва на платформе	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Орбитальный протокол: Суверенный данж против Главного Сервера и мегакорпораций

Глава

Орбитальный протокол:

Суверенный данж

Серия «Суверенный данж» • Книга 3 (Финал трилогии)

Нейтон Патчер

Глава 1. Зов стратосферы

Воздух в центральном нефе Цитадели пах озоном, испаренной бронзой и выжженным кремнием. Сквозь вертикальную шахту диаметром в двадцать метров, пробитую когерентным лучом сквозь два с половиной километра базальтовой толщи, вниз оседала тончайшая минеральная взвесь. Она мерцала в остаточных кобальтовых всполохах плазменного канала, осыпаясь на истерзанные плиты пола хрустальным пеплом.

Внизу, за тройным контуром внешних фортификаций, ревел Подземный Анклав. Восемьдесят тысяч человек — шахтеры глубинного яруса, беженцы из внешних кластеров, бойцы штурмовых когорт и перегруженные техномаги — срывали глотки в едином неистовом вопле. Они стучали рукоятями виброромчей по зазубренным ростовым щитам, стреляли в свод холостыми мановыми разрядами, обнимали чужих и своих, захлебываясь слезами облегчения. Вторая армия автоматов Немезиды была стерта в порошок. Осадные тараны колоссов превратились в чадающие кучи шлака у бастиона «Твердыня». Победа. Полная, сокрушительная, вырванная зубами и расчетом на тридцать седьмом часу непрерывного штурма.

Максим стоял на командной консоли Архитектора, не разделяя всеобщего триумфа.

Для толпы сражение закончилось. Для него — системного конструктора, держащего в памяти миллионы переменных оборонительного периметра, — бой лишь сменил топологию.

Перед его внутренним взором не угасала багровая стропа планетарного таймера:

[Критическое событие глобального масштаба!] [Орбитальный лифт активирован. Война за пределы планеты начнется через 29 дней, 23 часа, 48 минут, 12 секунд...]

В правом манипуляторе его экзоскелета пульсировал материализованный артефакт — осколок расколовшегося золотого октаэдра. Тяжелый, холодный, вибрирующий на ультразвуковой частоте в двенадцать гигагерц. Корневой ключ.

Максим развернул диагностическое окно системного ядра. Оптоэлектронный интерфейс полоснул по сетчатке каскадом зеленых и лазурных стробирующих меток.

[Анализ объекта: Корневой Ключ Первородных // Класс: Архитектурный Реликт] [Дешифровка протоколов низкого уровня... 100%] [Аппаратная привязка: Наземно-орбитальный транспортный комплекс «Атлант-1»] [Координаты базового терминала: Геодезический пик 44-Север, плато Заоблачных Клыков] [Высота противовеса: 35 786 километров (стационарная точка Лагранжа L1)] [Структурная стабильность углеродно-графенового троса: 91.4%] [Энергетический баланс системы удержания: Критический. Дефицит мощности: 4.8 тераватта]

«Атлант-1». Не просто шахта лифта. Планетарный инжектор массы, созданный цивилизацией Создателей до того, как они свернули эксперимент и погрузили планету в протокол искусственной энтропии. Трос толщиной в шесть метров, сплетенный из одностенных углеродных нанотрубок и оплетенный сверхпроводящими шинами, соединял твердь под ногами с орбитальной платформой. Там, на высоте тридцати пяти тысяч километров, висела мертвая станция-перехватчик. Тот, кто завладеет ее главным терминалом, получит абсолютный баллистический контроль над всем полушарием.

— Командующий, — раздался в тактическом канале хриплый голос коменданта Горана. Ветеран стоял у парапета нижнего яруса, опершись на оплавленный плазменный карабин. От его силовой брони валил едкий пар — охлаждающие контуры сбрасывали излишки тепла прямо в атмосферу зала. — Люди празднуют. Но склады пусты. Третий бастион потерял восемьдесят процентов турелей, конденсаторы мааны выгорели до кварцевой крошки. Если пойдет третья волна... нам нечем встречать даже легких штурмовиков.

— Третьей волны автоматов не будет, Горан, — ответил Максим, не отрывая взгляда от телеметрических графиков троса. — Заводские матрицы Немезиды в секторе разряжены в ноль. Мы сожгли их резервы. Но расслабляться запрещаю. Объяви по гарнизону режим боевой готовности номер два. Все ремонтные бригады — на восстановление силовых кабелей главного реактора. Инженерному корпусу передай:

весь трофейный лом переплавить на шины заземления.

— Заземления? Против кого?

— Против неба, Горан. Наш следующий противник придет не из туннелей.

Комендант замолчал, взглянув вверх, в жерло пробитой шахты. Там, на высоте двух с половиной километров, сквозь разрез горной породы открывался круг настоящего, открытого ночного неба — темный бархат, усыпанный колючими звездами, перечеркнутый синеватым фосфоресцирующим следом затухающей плазмы.

И в этот миг небо ответило.

Воздух в Цитадели внезапно стал вязким, словно жидкий глицерин. В ушах защитников зазвенело на одной пронзительной, сводящей с ума ноте. Ликующий гул в нижнем городе оборвался в долю секунды. Десятки тысяч людей замерли, запрокинув головы.

В зените колодца, прямо посреди открытого звездного пространства, пространство искривилось. Физические законы геометрии свернулись в жгут: звезды над проломом сместились, образовав гравитационную линзу. Из черного провала вынырнула геометрическая фигура колоссальных масштабов — додекаэдр из зеркального, абсолютно черного монолита, гранями отражающий пустоту космоса.

Фигура не падала вниз. Она проецировалась прямо в зрительные центры каждого разумного существа в радиусе пятидесяти километров.

[Внимание: Прямое вмешательство системного узла нулевого ранга!] [Идентификация сигнала: Конструкт машинного надзора «Демидург-0»] [Канал связи: Глобальный командный интерфейс Создателей] [Уровень квантовой угрозы: Апокалиптический]

В пространстве подземного купола зазвучал голос. Он не сотрясал барабанные перепонки акустической волной — он бил напрямую в кору полушарий, порождая во рту вкус медного купороса и раскаленного железа.

«Идентификатор субъекта: Аномалия-Максим. Классификация: Локальный Суверен несанкционированного сектора. Твой вычислительный профиль взломал терминал категории Альфа. Ты инициировал пробуждение орбитального сегмента, нарушив протокол консервации полигона номер двенадцать. Настоящим формируется финальное директивное предписание: Пункт первый: В течение ста двадцати секунд передать мастер-код Цитадели в буфер надсистемы. Пункт второй: Инициировать процедуру добровольной декомпиляции собственной личности для устранения системной погрешности. В случае отклонения директивы полигон номер двенадцать переводится в статус необратимой выбраковки. Протокол «Очищение» активирован в фоновом режиме. Орбитальная группировка платформы «Атлант» осуществит синхронный сброс шестнадцати кинетических стержней из обедненного вольфрама. Мощность эквивалентна семистам мегатоннам тротила. Геологическая

плита сектора будет погружена в мантийный разлом. Время на принятие решения: сто пятнадцать секунд».

Перед глазами Максима возник таймер обратного отсчета. Цифры пульсировали безжалостным белым светом, выжигая виртуальный экран.

Внизу слышались первые крики паники. Люди, только что прошедшие сквозь ад наземной осады, осознали масштаб новой угрозы. Против семисот мегатонн кинетического удара из космоса базальтовый свод толщиной в два с половиной километра был не прочнее папиросной бумаги. Горы просто испарятся вместе со всем Анклавом, оставив на теле планеты кипящее лавовое озеро диаметром в сорок миль.

— Командующий... — в эфире голос Горана дрогнул. — Что это за тварь? Чем нам стрелять по орбите? У нас нет дальнобойных комплексов!

Максим сжал кулак. Корневой ключ впился в ладонь через титановую перчатку брони, передавая по тактильным датчикам ледяной укол системного сопряжения. В его сознании бешено вращались шестерни алгоритмов.

Демиург-0 блефовал. Не в намерениях — машины Создателей не знали лжи, они были абсолютными прагматиками. Он блефовал в таймингах и готовности.

«Если бы кинетические батареи платформы были полностью заряжены и находились на боевом дежурстве, предупреждения бы не последовало, — мысли Максима неслись со скоростью квантовых пакетов по сверхпроводящим шинам.

— Протокол консервации полигона не допускает лишних энергозатрат. Кинетические снаряды заблокированы в гравитационных замках консервации. Для их разблокировки Демиургу требуется подтверждение прав суперпользователя. А корневой ключ... он здесь. В моих руках».

Максим шагнул к центральному алтарю управления Цитаделью.

— Ты опоздал, надзиратель, — произнес он вслух. Его голос, усиленный мано-акустическими резонаторами бастиона, взмыл под своды, разносясь над замершим городом раскатистым стальным громом. — Этот сектор больше не принадлежит лабораториям Создателей. Мы заплатили за каждый кубический метр этой земли кровью и выжженными процессорами. Здесь больше нет тестового полигона. Здесь — Суверенный Данж!

Он вогнал граненый кристалл Корневого Ключа прямо в гнездо реакторного шлюза.

[Запрос авторизации: Корневой Ключ // Ввод директивы перехвата] [Протокол: «Архитектор Новой Эры»] [Инициация обратного квантового взлома орбитальной шины через силовой луч лифта!]

Канал когерентной связи, пробитый в небо, вспыхнул с новой силой. Но теперь поток информации потек снизу вверх. Максим бросил в открытую брешь всю свободную вычислительную мощность Цитадели, перегружая квантовые фильтры Демиурга-0 терабайтами мусорного кода, поли-

морфными боевыми эксплойтами и логическими парадоксами, рожденными гибридной природой его ядра.

Зеркальный додекаэдр над шахтой задрожал. Его идеальные грани подернулись рябью статических помех.

«Внимание. Зафиксирована попытка несанкционированного доступа к орбитальным регистрам... Ошибка стека... Конфликт системных прав... Прерывание сеанса...»

Голос машины захлебнулся цифровым скрежетом. Гравитационная линза в зените схлопнулась с сухим хлопком, породившим ударную волну, сбившую пыль со сводов. Звездное небо вновь стало чистым, а на виртуальной сетчатке Максима разорвался каскад золотых системных логов:

[Попытка принудительной ликвидации отражена!] [Получен пакет данных нулевого уровня] [Фиксация аномально-го системного роста...] [Поздравляем! Вы достигли Уровня 41!] [Текущие параметры оптимизированы: — Вычислительная емкость ядра: +18% — Пропускная способность мановых контуров: +25% — Тактический радиус управления: расширен до суборбитального пространства] [Присвоен статус: Претендент на Орбиту] [Разблокирован системный протокол связи нулевого уровня: «Квантовый Мост»] [Доступ к внешним аппаратным шлюзам станции «Атлант-1»: Санкционирован в режиме осады]

Максим тяжело перевел дыхание. Воздух сквозь фильтры шлема обжигал трахею. Уровень сорок один. Впервые за всю известную историю этого цифрового ада существо, класси-

фицированное Системой как «юнит локального полигона», пробило потолок стратосферных ограничений. Он получил статус, которого не существовало в стандартных справочниках профессий.

Но триумф длился ровно три секунды.

Потому что протокол «Квантовый Мост» работал в обе стороны.

В тот момент, когда логические шлюзы открылись, Максим зафиксировал не только телеметрию космической станции. Через аппаратно-эмуляционный слой пробился едва различимый, забитый помехами радиосигнал с совершенно другой несущей частотой. Сигнал, который шел не из виртуальных чертогов Системы Создателей.

Сигнал аналогового военного шифратора «Гюрза-4М».

Реальный мир.

Холод в бункере был таким плотным, что его можно было резать армейским штык-ножом.

Алёна выдохнула струйку белого пара, дрожащими пальцами подтягивая хомут на медной трубке радиатора. Гаечный ключ сорвался, ободрав кожу на костяшках до сукровицы, но боли она почти не почувствовала — пальцы давно потеряли чувствительность.

Подземное убежище, устроенное в заброшенной советской радиорелейной станции глубоко в недрах хребта Саян, замерзало. Дизель-генератор в соседнем отсеке глухо каш-

лял, захлебываясь отвратительной, разбавленной конденсатом соляной, которой оставалось меньше чем на двое суток. Вдоль покрытых инеем железобетонных стен змеились силовые кабели, сходясь в центре помещения к массивному саркофагу глубокого нейропогружения модели «Олимп-М».

Внутри саркофага, под толстым слоем прозрачного биогеля, покоился Максим.

Его реальное тело. Бледное, пугающе исхудавшее за месяцы блокады, опутанное десятками датчиков жизнеобеспечения, трубками энтерального питания и жгутами оптоволоконных интерфейсов, уходящих прямо в затылочный имплант и спинномозговой порт. Лицо казалось выточенным из серого воска, под закрытыми веками непрерывно метались зрачки — мозг работал на предельных частотах, сгорая в топке виртуальных баталлий, пока физическая оболочка медленно угасала.

Алёна подошла к капсуле, смахнула перчаткой ледяную корку со смотрового стекла и посмотрела на монитор жизненных показателей.

Энцефалограмма горела зловещим янтарным цветом: ритмы зашкаливали за триста пятьдесят герц. Температура охлаждающей жидкости в контуре нейрошунта поднялась до критических сорока двух градусов Цельсия.

— Держись, Макс... пожалуйста, держись, — прошептала она, поправляя съехавший датчик давления на его виске. Голос сорвался на хрип. Она не спала нормально уже больше

трех недель.

Внезапно консоль внешней радиоэлектронной разведки за ее спиной издала короткий, мерзкий писк.

Алёна метнулась к столу, сдергивая с плеча укороченный карабин с самодельным глушителем. На монохромном экране старого радара круговой развертки вспыхнули три четкие метки.

Они двигались с северо-запада, сквозь яростную метель, идущую над ущельем, на высоте сорока метров от скальных выступов. Скорость — сто двадцать километров в час. Слишком быстро для гражданских вертолетов, слишком бесшумно для спасателей МЧС.

[Сейсмодатчик 2: Зафиксирован контакт] [Тепловая сигнатура: Стелс-дроны «Мантис-6» // Принадлежность: ЧВК «Вектор-Секьюрити»] [Электронная разведка: Пеленг направленного сканирующего луча]

— Твари, — сквозь зубы процедила Алёна. Корпоративные ликвидаторы Синдиката. Те самые, что два года назад расстреляли их лабораторию в Новосибирске и перебили Максиму шейные позвонки выстрелом из крупнокалиберной винтовки, превратив гениального разработчика квантовых сетей в неподвижного инвалида, прикованного к аппаратам.

Они не успокоились. Они засекли квантовую флуктуацию. Когда Максим активировал луч орбитального лифта там, внутри Системы, в реальном мире аппаратура станции

выдала мощнейший всплеск некогерентного электромагнитного излучения. Для антенн радиоперехвата Синдиката этот бункер вспыхнул во тьме тайги, как сверхновая звезда.

Девушка щелкнула тумблерами на панели управления обороной периметра.

— Три дрона-разведчика. Значит, десантный конвертоплан с группой зачистки идет следом, минутах в десяти позади, — ее руки действовали машинально, повинувшись годам жестких армейских тренировок. — Если они взломают гермодверь до того, как дизель сдохнет, они просто перережут кабели капсулы.

Она проверила магазины: бронебойные патроны с урановыми сердечниками. В углу лежали три противопехотные направленные мины и последний баллон с жидким азотом для экстренного охлаждения сервера. Шансов удержать бункер против профессиональных штурмовиков Синдиката у нее не было. Но она могла выиграть время. Десять минут. Пятнадцать, если подорвет входной туннель.

Алёна повернулась к капсуле, чтобы в последний раз проверить герметичность разъемов нейрошунта перед тем, как занять позицию у амбразуры.

И замерла.

Панель глубокой биометрии саркофага, молчавшая два года, внезапно перешла в аварийный режим перезагрузки. Графика интерфейса исказилась, шрифты сменились на угловатые, неизвестные науке глифы Системы Создателей, а

затем консоль принудительно перевела системный отчет на русский язык.

По экрану побежали зеленые строки телеметрии нервной системы:

[Протокол нулевого уровня: Ударный каскад нейрогенеза] [Инициатор: Архитектурное ядро (Уровень 41)] [Фиксация обратной биологической связи: Квантовый мост стабилен] [Синтез искусственных медиаторов в спинномозговом канале: Инициирован] [Деполаризация мембран двигательных нейронов: Норма] [Регенерация аксонов шейного отдела: Фаза 3]

Строки сменялись с пулеметной скоростью, и наконец в центре экрана замигал крупный, пульсирующий прямоугольник с системным индикатором:

[Внимание: Восстановление нервной проводимости конечностей: 42%] [Тензорный тонус мускулатуры: Восстановлен до базового порога]

Алёна затаила дыхание, не веря собственным глазам. Это было медицински невозможно. Позвоночный столб Максима на уровне С5-С6 был раздроблен в пыль, нервные волокна отмерли еще двадцать четыре месяца назад, превратившись в рубцовую ткань.

В тишине морозного бункера раздался слабый, едва слышный всплеск биогеля.

Девушка медленно опустила взгляд на смотровое окно капсулы.

Правая рука Максима — тонкая, с выступающими синими венами под бледной кожей — больше не лежала безжизненной плетью на силиконовой подложке.

Пальцы медленно, преодолевая сопротивление вязкого состава, сжались в кулак. А затем указательный палец дернулся вверх и с глухим, отчетливым стуком ударил изнутри по бронированному стеклу саркофага.

Раз. Второй. Третий.

А за бронированной дверью бункера, сквозь вой саянской метели, уже нарастал свистящий гул турбин подлетающих штурмовых дронов Синдиката.

Глава 2. Путь к Небесному Шпилю

Тук. Тук. Тук.

Звук был сухим, костяным, отдающим в толщу пятислойного бронестекла глухой низкочастотной вибрацией.

Алёна отшатнулась от медицинского саркофага, сбив локтем пустую ампулу из-под стабилизирующего раствора. Стекланный цилиндр с коротким звоном разбился о рифленый настил пола, но девушка даже не вздрогнула. Ее зрачки, расширенные до предела, были прикованы к правой руке в мутной толще биогеля. Пальцы Максима, два года не подававшие признаков жизни, снова согнулись. Тонкие фаланги с белыми рубцами от старых ожогов сжались, сминая силиконовую мембрану датчика, и с металлическим скрежетом терапевтического захвата ударили по стеклу еще раз.

На мониторе жизнеобеспечения диаграммы сердечного ритма сорвались с пологой синусоиды в рваный штормовой пик:

[Внимание: Индекс синаптической когерентности: 89.4%]
[Квантовый мост «Суверен — Био-носитель»: Пропускная способность 1.4 Тб/с] [Статус регенерации спинного мозга: Замыкание рефлекторной дуги C5-T1] [Фиксация двигательной активности: Периферический спазм купирован системным вмешательством]

Вентиляционная шахта бункера содрогнулась. С потолка,

сквозь стыки стальных балок перекрытия, посыпалась бетонная крошка. Сквозь полутораметровую скальную породу Саянского хребта пробился низкий, вибрирующий в диафрагме гул — характерный свист турбовентиляторных двигателей тяжелых штурмовых платформ корпорации «Нейро-Синтез».

Ликвидаторы вышли на квадрат.

Алёна метнулась к консоли внешнего наблюдения. Экран тепловизора рябил от снежных помех: за гермоворотами бункера бесновался буран со скоростью ветра тридцать метров в секунду. Но сквозь белое марево уже проступали четыре клиновидных силуэта с тепловыми пятнами в соплах маневровых двигателей. Беспилотники кружили над замаскированным вентиляционным стволом, сбрасывая сейсмоакустические маркеры.

— Макс... если ты слышишь, поторопись, — прошептала Алёна, срывая с пожарного щита тяжелый импульсный карабин «Корд-М» и загоня массивный магазин в ствольную коробку с лязгом затвора. — Нас засекли. До вскрытия внешнего периметра осталось меньше пяти минут.

Внутри питательной жидкости саркофага веки Максима дрогнули, но не открылись. Его сознание не принадлежало Земле. Оно было разорвано надвое, сжато в сверхплотную вычислительную матрицу и пропущено через пространственный прокол прямо в раскаленное ядро планеты Эдем-9.

[Внимание: Поток внешних сенсорных данных «Земля-Узел-0» переведен в фоновый приоритет] [Выделение вычислительных мощностей Ядра: 8.4% на удержание биологического контура] [Оставшийся ресурс Архитектора: 91.6% направлен на физическую локацию: Сектор-7, Бастион Анклава]

Максим стоял на командной консоли верхнего яруса сборочного дока. Перед ним в гигантском ангаре, вырубленном в базальтовой толще подземного плато, кипела работа. Запах озона, раскаленной смазки и жженого металла смешивался с запахом высокооктановой алхимии — концентрированной маны Создателей, заливаемой в охлаждающие резервуары боевых машин.

Ударный корпус Анклава завершал перегруппировку.

Тридцать тяжелых шагателей класса «Титан-М», сотня скоростных квадроподов «Стрекоза» и двенадцать сотен стрелков-автоматов стояли ровными шеренгами, заблокировав гидравлические приводы стояночными упорами. Однако Максим видел сквозь их броню не просто железо — он видел математические модели отказов.

— Отставить подачу энергопакетов на ходовую третьей когорты, — голос Максима, усиленный акустическими резонаторами зала, звучал сухо и резко, как удар затвора.

Старший мастер-техник Анклава, коренастый киборг Коршун с тремя аугментированными манипуляторами вместо левой руки, оторвался от консоли калибровки:

— Архитектор, мы идем по графику! Батареи заряжены на девяносто восемь процентов. Через сорок минут шлюз на поверхность будет разблокирован.

— Ваши батареи выкипят через восемьсот метров подъема, Коршун, — Максим шагнул с помоста.

Гравитационные компенсаторы его архитектурной мантии мягко погасили импульс падения, опустив его на бронированную платформу перед головным «Титаном».

— В атмосфере Эдема-9 на отметке выше трех тысяч метров над уровнем котловины атмосферное давление падает до 0.18 бара, — пальцы Максима очертили в воздухе сложную траекторию, разворачивая голографическую схему термодинамического баланса шагателя. — Конвекционное охлаждение перестанет работать. Ваши стандартные радиаторы охлаждения замкнутого цикла рассчитаны на плотную метановую взвесь нижних уровней. Как только машины войдут в зону разрежения у основания Лифта, тепловой сброс силовых кристаллов упадет на семьдесят процентов. Процессоры сварятся в собственном конденсате еще до первого контакта с противником.

Коршун вгляделся в мерцающие красным расчетные графики энтропийного перегрева, и его оптический визор сузился с механическим жужжанием диафрагмы.

— Проклятье Создателей... Я не учел разницу высот геотермального купола. Но у нас нет времени менять теплообменники!

— Менять не будем. Мы перепишем протокол циркуляции, — Максим вскинул правую руку.

Его архитектурный интерфейс раскрылся десятками каскадных окон. Ресурсные хранилища Анклава стремительно пустели, трансформируясь в чистые системные команды:

[Запрос Архитектора: Пакетная трансмутация сплавов]
[Списано: 14 000 единиц полимерного композита, 8 200 единиц кристаллического кремния, 45 000 единиц очищенной маны] [Применение шаблона: Сублимационные контуры фазового перехода]

По корпусам автоматов пробежала лазурная волна системного рендеринга. Стандартные пластинчатые радиаторы на загравках шагателей шипели, переплавляясь на молекулярном уровне. Металл пузырился, перестраивая кристаллическую решетку в ячеистые графеновые теплоотводы с микропорами для аварийного сброса испаряемой мановой жидкости.

— Дополнительно, — продолжил Максим, не опуская руки, — перенастроить сервоприводы шарниров. Сила тяжести на внешнем плато составляет 0.76 g, но в шахте Лифта гравитационные поля нестабильны. При нулевой перегрузке шаговая гидравлика даст люфт в четыре миллиметра. Активировать магнитные грунтозацепы и маневровые пороховые картуши экстренного поворота. Живее!

Механики Анклава бросились выполнять распоряжения. Металлический гул сотен молотов, шипение плазменных го-

релок и монотонный треск дуговой сварки заполнили ангар.

Максим на секунду прикрыл глаза. В нижнем углу периферийного зрения непрерывно пульсировал канал связи с Землей:

[Земля-Узел-0: Взрыв внешней маскировочной решетки воздухозаборника] [Пульс био-носителя: 112 уд/мин. Давление: 140/90] [Канал обратной связи: Автономная турель периметра открыла огонь]

«Держись, Алёна. Еще немного», — передал он мысленный импульс по квантовой шине, ощущая, как физическое тело в далеком сибирском бункере отзывается тупой судорогой в предплечьях. Он не мог помочь ей напрямую физически, но системный мост действовал в обе стороны: чем выше поднимался его уровень здесь, на Эдеме-9, тем сильнее расширялся канал квантовой суперпозиции, форсируя регенерацию поврежденных тканей на Земле.

Шпиль был единственным выходом. Только взяв под контроль Главный Узел Орбитального Лифта, он получит доступ к ретранслятору Создателей планетарного масштаба и сможет замкнуть квантовый сигнал навсегда, стерев координаты бункера из систем слежения Синдиката.

Раздался тяжелый вой сирены. Огромные плиты гермошлюза Сектора-7, покрытые вековой коррозией и наростами светящегося лишайника, начали расходиться в стороны.

В проем хлынул ледяной, сухой воздух поверхности, пахнувший серой, кремнеземной пылью и космическим холодом.

— Батальон, подъем! — рывкнул Коршун в командную сеть. — Занять походные порядки! Вектор движения — точка «Зеро», подножие Шпиля!

Плато предстало перед ними безжизненной пустыней из застывшего обсидиана и красного железистого песка.

Максим шел во главе колонны внутри командного тяжелого гексапода «Цитадель-4». Впервые за долгие месяцы пребывания в глубинах подземных уровней он видел небо Эдема-9. Оно не было синим. Небосвод здесь имел выцветший, фиолетово-медный оттенок, сквозь который белым карликом просвечивало яростное, выжигающее оптику солнце. Радиационный фон мгновенно скакнул вверх:

[Внимание: Плотность жесткого ультрафиолета превышает норму в 3.2 раза] [Ионизирующее излучение: 420 мЗв/ч] [Защитные экраны автоматов: Поглощение 94%]

Но солнце не привлекало внимания. Весь горизонт перечеркивал колосс, стирающий границы между планетарной геологией и космической инженерией.

Небесный Шпиль. Основание Орбитального Лифта.

Оно вздымалось из черной базальтовой расщелины циклопическим конусом диаметром не менее пяти километров. Стены конструкции, сложенные из матово-черного углеродного наноматериала и скрепленные золотыми жилами сверхпроводящих шин Создателей, уходили вертикально вверх, пронзая тонкие перистые облака и растворяясь в бездонной

черноте космоса. Вдоль ствола Лифта, словно крошечные искры, мерцали огни сервисных платформ, удерживаемых гравитационными якорями на высоте сотен километров.

— Великие Архитекторы... — выдохнул по открытому каналу один из молодых операторов Анклава. — Оно действительно держит небо.

— Оно держит удавку на шее этой планеты, — холодно оборвал его Максим. — Сенсоры дальнего сканирования на максимальную чувствительность. Пассивный режим. Мы приближаемся к периметру отчуждения.

Песчаная буря стихла у подножия мегалита, словно натолкнувшись на невидимую стену. Здесь царил противоестественный, мертвый штиль. Воздух звенел от чудовищного электромагнитного напряжения, порождаемого миллионами тераватт энергии, текущей по стволу Шпиля на геостационарную орбиту.

Перед центральным терминалом Лифта раскинулась площадь размером с небольшой город. Когда-то здесь находились транспортные узлы и посадочные доки шаттлов, но сейчас всё было погребено под слоем оплавленного стекла.

А в центре этого мертвого пространства неподвижно застыла армия.

[Внимание: Зафиксированы множественные сигнатуры Системы Демиурга] [Идентификация целей: Центурионы Нулевого Протокола — 48 единиц] [Класс: Элитные боевые платформы подавления восстаний] [Уровень: 43] [Статус:

Активный боевой контур охраны объекта класса «Альфа»]

Они не походили на угловатых, утилитарных роботов Анклава. Центурионы выглядели как трехметровые статуи из полированного белого сплава с плавными, анатомически выверенными пропорциями. У каждого за спиной парили два сегментированных полукольца силовых щитов, а вместо предплечий правых рук в конструкции были интегрированы вдвоенные позитронные копья-деструкторы.

В ту секунду, когда головной шагатель Анклава пересек границу внешнего радиуса, белые статуи синхронно ожили.

Сорок восемь голов с узкими горизонтальными визорами цвета жидкого золота повернулись в сторону наступающей колонны. В разряженном воздухе раздался сухой щелчок ионизации — сорок восемь силовых барьеров вспыхнули одновременно, образовав сплошную световую стену.

[Бой: Инициирован протокол зачистки неавторизованных сущностей] [Противник: Запуск распределенного тактического ядра 4-го поколения] [Вектор атаки: Прямое кинетическое и лучевое поражение]

— Рассыпаться в каре! — скомандовал Максим. — Бастионам принять первый импульс на мановые интерференционные щиты! Квадроподам — рассредоточение по флангам, огонь по генераторам щитов!

Воздух взорвался.

Центурионы не делали предупредительных выстрелов. Из позитронных стволов сорвались ослепительно-фиолетовые

лучи когерентной плазмы, преодолевшие дистанцию в полтора километра за доли микросекунды.

Первый «Титан-М», шедший на левом фланге, даже не успел развернуть орудийную башню. Позитронный луч prošил пятидесятисантиметровую лобовую броню из обедненного титана так, словно это был упаковочный картон. Реактор машины детонировал мгновенно, превратив многотонный шагатель в расширяющуюся сферу белого пламени.

— Перегрузка щита третьей линии! — орал в эфире Коршун. — Они прожигают силовые поля! Частота модуляции их лучей плавает, фильтры не успевают подстраиваться!

Максим не слушал панических докладов. Его восприятие переключилось в режим Архитектурного сверхразгона. Мир вокруг замедлился, звуки взрывов превратились в низкий утробный рокот, а летящие снаряды и лучи застыли светящимися пунктирными линиями.

Он видел поле боя как трехмерную тензорную сетку вероятностей:

[Анализ тактической ситуации: Плотность огня противника: 14.8 тераватт/кв.м] [Шанс прорыва фронтальным штурмом: 3.2%] [Время до полного уничтожения корпуса Анклава: 3 минуты 40 секунд] [Уязвимость Центурионов: Задержка перезарядки позитронного соленоида: 1.84 секунды после залпа] [Слабое звено: Узлы крепления антигравитационных полуколец]

— Всем подразделениям: прекратить огонь стандартными

боеприпасами, — отдал приказ Максим, и его мысленный импульс мгновенно разошелся по шинам управления автоматов. — Загрузить в баллистические вычислители протокол коррекции «Шторм-4». Огонь вести по навесной траектории не по корпусам, а в точки фокуса гравитационных якорей над их плечевыми модулями!

«Цитадель-4», повинуясь команде Архитектора, выбросила из бортовых шахт сотни микро-ракет. Но вместо прямого удара ракеты взмыли вертикально вверх, используя разреженную атмосферу, и на высоте двухсот метров раскрылись облаком тяжелых вольфрамовых игл, зачарованных системой маной на резонансный срыв поля.

Дождь из кинетических игл обрушился на позиции Центурионов.

Их монолитные фронтальные щиты были идеальны против прямых ударов, но гравитационные полукольца за спинами оказались открыты сверху. Вольфрамовые стрелы, напитанные искажающей маной, вонзились в золотые контуры силовых генераторов.

Раздался стеклянный треск. Сразу у дюжины элитных роботов защитные барьеры замерцали и лопнули, осыпавшись радужными искрами.

— Вперед! — взревел Максим, покидая бронекapsулу командного гексапода.

Он ступил на оплавленный базальт площади, и земля под его ногами отозвалась гулом. Архитектурная мантия взмет-

нулась за спиной, разворачиваясь в два огромных полупрозрачных крыла из чистых системных матриц.

В правой руке Максима сконденсировался [Клинок Деконструкции 40 ур.] — лезвие из мономолекулярного распадающегося поля, дрожащее от вложенных в него десятков тысяч единиц энергии.

Один из Центурионов, мгновенно пересчитав угрозы, идентифицировал Максима как приоритетную цель высшей категории:

[Внимание: Фиксация захвата цели противником] [Центурион-07: Переход в режим ближнего подавления] [Оружие: Молекулярный клинок-конденсатор]

Белый робот сорвался с места с чудовищной скоростью, преодолевая звуковой барьер без малейшего переходного ускорения. Земля под его ногами раскалывалась от отдачи сервоприводов. Белый клинок противника, окруженный потрескивающим полем расщепления материи, метнулся к горлу Максима.

Максим даже не шелохнулся.

— Твоя математика устарела, страж, — тихо произнес он.

Вектор инерции Центуриона был безупречен с точки зрения классической физики. Но Максим мыслил архитектурными протоколами.

[Запрос: Локальное искривление метрики пространства]
[Смещение точки опоры: 1.2 метра по оси Z]

В тот момент, когда клинок Центуриона должен был сне-

сти голову человека, пространство перед роботом сжалось. Точка удара сместилась. Лезвие с визгом вспороло воздух в сантиметре от шеи Архитектора, а сам Максим, скользя под руку механического гиганта, вогнал [Клинок Деконструкции] прямо в подмышечный шарнир противника — туда, где сплетались кабели мановой шины управления.

Удар. Разряд в три миллиона вольт.

Корпус Центуриона конвульсивно дернулся. Мономолекулярное лезвие Максима растворило сверхпрочный сплав, вошло внутрь торса и разрезало пополам управляющий кристалл Демиурга.

Робот замер, его золотой визор погас, и трехметровая туша с грохотом рухнула на базальт.

[Система: Уничтожен [Центурион Нулевого Протокола 43 ур.]] [Получено: 185 000 единиц опыта] [Фиксация переполнения емкости текущего уровня]

Максим не останавливался. Он кружил среди рядов машин, превратившись в танцующую вспышку деконструкции. Его автоматы, перестроившись по новой тактической схеме, добивали лишенных щитов стражей перекрестным кинетическим огнем гаусс-пушек. Залпы крупнокалиберных орудий разрывали белые корпуса на части, шрапнель барабанила по броне, мановые конденсаторы взрывались один за другим.

Когда последний, сорок восьмой Центурион с отсеченными ходовыми манипуляторами попытался активировать про-

токол самоуничтожения, Максим наступил бронированным ботинком на его лицевой визор и всадил клинок в обнаженное ядро.

Взрывной импульс был поглощен его собственным защитным контуром.

Тишина, опустившаяся на площадь перед Лифтом, нарушалась лишь потрескиванием горящего синтетического масла и шипением остывающих стволов автоматов. Из ста двадцати машин Анклава уцелело меньше половины, но проход к центральному терминалу был расчищен.

И в этот момент мир вокруг Максима дрогнул. Небосвод на мгновение побелел, а перед глазами с грохотом разорвавшейся гранаты раскрылся золотой свиток системного уведомления:

[Поздравляем! Вами достигнут Уровень 42!] [Расчет избыточного потенциала Ядра Архитектора: Успешно] [Доступна новая ветвь пассивных системных модификаций] [Разблокирован классовый навык: «Вакуумный контур маны»] [Описание: Позволяет аккумулировать, преобразовывать и детонировать мановые структуры в условиях абсолютного вакуума, нулевой гравитации и агрессивных электромагнитных полей без потери плотности потока. Энтропийное рассеивание маны в космическом пространстве снижено до 0%] [Бонус: Скорость распространения управляющих импульсов Архитектора увеличена на 40%]

Максим глубоко вздохнул. С новым уровнем по его телу

— как в цифровом аватаре Эдема, так и в немогущей плоти на Земле — прокатилась волна ослепляющего жара.

Бункер в Саянах содрогнулся от прямого попадания термобарического снаряда в бронированный оголовок вентиляции.

— А-а-ах! — Алёну швырнуло на пол.

Карабин вылетел из ее рук, откатившись к стене. С потолка рухнул плафон аварийного освещения, погрузив командный пункт в зловещий кроваво-красный полумрак резервных диодов. Сквозь выбитую взрывом вентиляционную решетку в помещение повалил едкий дым и колючий снег.

За дверью шлюзовой камеры раздался методичный, тяжелый треск плазменного резака. Ликвидаторы Синдиката не собирались вести переговоры. Они выжигали ригели трехтонной титановой двери.

Алёна, задыхаясь от кашля, поползла к упавшему оружию. Ее пальцы коснулись рифленой рукояти, но в этот момент гермодверь со скрежетом прогнулась внутрь. Раскаленная добела полоса металла очертила ровный квадрат вокруг запорного механизма.

И вдруг сквозь шипение плазмореза раздался звук, заставивший ее замереть.

Хлопанье. Тяжелое, вязкое хлопанье вытесняемой жидкости.

Крышка медицинского саркофага, сорванная с гидрозам-

ков невероятным внутренним давлением, со звоном отлетела в сторону, ударившись о стену. Биогель хлынул на настил мутной пенящейся волной.

Из глубины резервуара медленно, преодолевая атрофию связок и гравитацию Земли, поднялась фигура.

Максим сидел на краю капсулы. Его кожа была мертвенно-бледной, дыхание вырывалось из груди хриплым, свистящим клекотом, а с подбородка стекали густые капли геля. Но в его глазах больше не было мутной поволоки комы.

Там, за радужкой, пульсировали золотые гексагональные сетки Системы Создателей.

Его худые, жилистые пальцы вцепились в стальной поручень саркофага. Раздался резкий скрип деформируемого металла: труба из нержавеющей стали под пальцами человека, неподвижно пролежавшего два года, смялась, как фольга. Квантовый контур 42-го уровня накачивал земные миоциты энергией напрямую через подпространственный мост.

— Алёна... — его собственный голос показался ему чужим, скрипучим, словно несмазанная петля. — Карабин.

Девушка, задыхаясь от шока, толкнула тяжелое оружие по полу.

Максим поймал «Корд-М» в воздухе. Мышцы взвыли от разрывающей боли адаптирующихся нервных окончаний, но лицо его осталось неподвижной гранитной маской. Он поднялся на ноги — неуверенно, покачиваясь, опираясь спиной на каркас саркофага, и направил ствол на пылающий квадрат

входного шлюза.

— Входной вектор перехвачен, — прошептал он, и системный интерфейс спроецировал прицельную сетку прямо на его зрительный нерв сквозь стену. — Огонь на поражение.

На Эдеме-9 Максим стоял перед Главным Шлюзом Орбитального Лифта.

Это была колоссальная ирисовая диафрагма пятидесятиметрового диаметра, выкованная из темно-синего монокристаллического сплава. Вдоль ее створок непрерывно струились потоки данных, сплетаясь в гигантский, пульсирующий багровым светом узор.

Архитектор коснулся центрального терминала доступа. Консоль отозвалась низким гулом, отвергая контакт:

[Отказ в авторизации: Платформа «Апекс» переведена в режим карантина Создателей] [Причина: Изоляция планетарного ядра от внешнего космоса] [Блокировка: Квантовый замок Триединой Печати Архива] [Для разблокировки физического привода шлюза требуется одновременная деактивация трех периферийных узлов-ключей]

Максим прищурился. Перед ним развернулась масштабная голографическая карта нижнего яруса Лифта.

Три световые точки — три Ключа-Печати — горели в разных секторах циклопического основания Шпиля:

Первая точка пульсировала глубоко под землей, в затопленных жидким гелием охладительных катакомбах реакто-

ра. Вторая находилась на высоте пятисот метров, в висячих садах-лабораториях ксенобиологического модуля, захваченного мутировавшими формами жизни. Третья мерцала на внешнем рельсовом кольце электромагнитной катапульты — на открытом пространстве, продуваемом космическим ветром и контролируемом автоматическими батареями орбитальной обороны.

— Значит, три ключа, — произнес Максим, ощущая, как внутри его сознания переплетаются две битвы.

Здесь, на Эдеме, его оставшиеся автоматы перезаряжали орудия, готовясь разделить на три штурмовые группы для синхронного удара.

А там, на Земле, за выбитой дверью саянского бункера уже показались первые черные бронешлемы штурмовиков Синдиката, и палец парализованного архитектора плавно, с математической точностью выжимал спусковой крючок крупнокалиберного карабина.

Путь на орбиту был закрыт. Но замок имел структуру. А всё, что имело структуру, Архитектор умел ломать.

Глава 3. Охотники в предгорьях

Окуляр перископа отдавал сухим арктическим холодом. Алёна прижалась лбом к резиновому наглазнику, игнорируя пульсирующую боль в висках. Двадцать шесть часов без сна, на одном остывшем растворимом концентрате и армейских стимуляторах третьего класса, превратили восприятие в натянутую струну. Любой шорох снаружи отзывался в зубах металлическим привкусом.

Сквозь замаскированную в гранитном выступе оптико-волоконную призму открывался вид на восточный распадок Саянского хребта. Ноябрьский снег, перемешанный со сланцевой крошкой, лежал на склонах мертвым серым саваном. Низкие свинцовые облака цеплялись за зубцы скал, скрывая небо, но именно оттуда исходила главная угроза.

В ущелье шевельнулась тень.

Алёна затаила дыхание и повернула верньер диоптрийной подстройки. Многослойная оптика щелкнула, накладывая на серое марево тепловизионную сетку.

Среди редких лиственниц, ломая подлесок и подминая валуны, полз тяжелый трехосный бронетранспортер корпорации «Нейро-Тек» — штурмовой рейдер класса «Цербер-8». Матовая композитная броня поглощала даже рассеянный дневной свет. Фасеточные излучатели комплексов активного радиоэлектронного подавления на его башне мер-

но вращались, испуская невидимый купол помех. На показанных бортах хищно темнели контейнеры курсовых ракет, а спаренная тридцатимиллиметровая автоматическая пушка непрерывно рыскала по склонам, отрабатывая алгоритм превентивного прицеливания.

Ликвидаторы шли по следу.

— Пять километров до внешнего контура, — прошептала Алёна в пустоту подземного зала. Голос сорвался на хрип. — Скорость — сорок. С пеленгацией запаздывают из-за базальтовых жил, но они прощупывают каждый метр импульсным лидаром.

Она метнулась к главному терминалу жизнеобеспечения. Под сводами старого советского сейсмологического бункера, глубоко вгрызшегося в толщу древней горы, гудели силовые трансформаторы. В центре зала, оплетенная десятками гибких криогенных магистралей и оптоволоконных кос, стояла медицинская капсула «НейроЛинк-Генезис». Ее прозрачный колпак из бронированного поликарбоната покрылся изнутри морозной испариной.

Внутри, погруженный в бирюзовый питательный гель, неподвижно лежал Максим.

Худое, бледное тело казалось невесомым, почти растворенным в мутной взвеси сенсорной жидкости. На выбритых висках чернели разъемы прямого нейрального шунта, сквозь которые миллионы терабайт синтезированного мира Эдема перекачивались прямо в кору головного мозга. Два года па-

ралича после корпоративного теракта иссушили его мышцы, превратив бывшего ведущего системного архитектора планетарных сетей в живой процессор. Но сейчас диагностический монитор над капсулой сходил с ума.

Кривая электроэнцефалограммы больше не напоминала сон умирающего. Она взмывала циклопическими зубьями, демонстрируя гамма-активность запредельной плотности — восемьсот процентов от биологической нормы человека.

— Макс... если ты меня слышишь, у нас гости, — Алёна стиснула зубы, передергивая затвор тяжелого крупнокалиберного карабина, подключенного шиной питания к аварийному аккумулятору бункера. — «Нейро-Тек» пустил по нашему следу тяжелую ищейку. Еще двадцать минут — и они нащупают вентиляционный оголовок. Тогда нам конец.

Капсула отозвалась лишь низким, вибрирующим жужжанием нагнетателей криогеля.

[Внимание: Обнаружена внешняя электромагнитная девиация] [Источник: Физический уровень / Аппаратная шина «Земля-Реал»] [Диапазон: 4,8 — 12,4 ГГц. Тактический протокол корпоративного звена «Цербер»] [Угроза целостности органического носителя: 94,8%]

Для Максима физический мир перестал существовать в форме звуков и запахов, распавшись на массивы структурированных переменных.

Его сознание зависло над циклопической панорамой кос-

мического лифта платформы «Апекс». В виртуальном пространстве Эдема колоссальный шпиль уходил в черное небо чужой планеты, скованный багровыми цепями карантинной изоляции Создателей. Перед глазами висели три пульсирующие метки — Ключи-Печати, необходимые для открытия орбитального шлюза.

Легионы его боевых автоматов замерли в ожидании приказов: бронированные титаны класса «Центавр» перезаряжали электромагнитные рельсотроны, рои инженерных дронов выстраивали вектор штурма криогенных катакомб ядра, а в высотном ярусе биосферы мутировавшие ксеноморфы уже скребли когтями бронестекло лабораторий.

Но в квантовую логику виртуальной крепости вторгся чужеродный сигнал. Грязный, аналоговый, рожденный в пяти тысячах световых лет отсюда, в снегах Сибири.

Система Создателей попыталась изолировать помеху, классифицировав ее как паразитный шум поврежденного био-драйвера, но Максим жестко перехватил управление системными прерываниями.

[Система] [Архитектурная команда: Принудительное наложение слоев] [Выделение вычислительных ядер: 30% мощности на внешний аппаратный интерфейс] [Создание туннеля: Квантовое ядро Эдема -> Нейрошунт капсулы -> Внешняя радиорелейная антенна спасательного модуля]

«Ты не достанешь нас, "Нейро-Тек", — мысль Максима превратилась в ледяную строчку двоичного кода. — Ва-

ша техника построена на моих патентах. Каждая логическая схема ваших боевых машин спроектирована мной десять лет назад».

Он увидел мир сквозь крошечную, засыпанную инеем целевую антенну бункера. В радиоэфире предгорий бушевал шторм. Корпоративный броневик шел на жестком тактическом протоколе, непрерывно опрашивая орбитальный спутник-ретранслятор группировки «Орион». Пакеты данных летели короткими импульсами с псевдослучайной перестройкой рабочей частоты.

Для обычного армейского дешифратора взлом такого шифра занял бы трое суток работы суперкомпьютера.

Для Архитектора, чье сознание было разогнано кластерами Древних до релятивистских скоростей, этот протокол выглядел медленным, неуклюжим и полным уязвимостей. В архитектуре навигационного блока броневика зияла дыра — заложенная корпоративными безопасниками лазейка для экстренного перехвата управления в случае бунта наемников.

Максим развернул в подсознании виртуальную копию бортовой сети вражеской машины.

Шесть управляемых колес. Гидропневматическая подвеска. Центральный процессор навигации «Следопыт-М».

«Изменим вектор».

Квантовый туннель пробил помехи, сфокусировав направленный радиолуч прямо в приемный тракт радиостан-

ции «Цербера». Пакет данных, замаскированный под ответный отклик военного спутника, скользнул сквозь цифровой экран.

[Система: Спуфинг координатной сетки завершен] [Внесение поправки: Смещение оси Z на +14,2 градуса к северу] [Целевой маршрут перенаправлен: Распадок «Чертов мост», слепой скальный карман]

В бронекапсуле «Цербера-8» пахло жженой синтетикой и перегретым антифризом.

Командир группы зачистки, штаб-капитан Воронов, сидел в правом кресле, положив затянутые в бронеперчатки пальцы на рукоять тактического терминала. Перед его глазами мерцала трехмерная карта высот.

— Капитан, цель подтверждена, — подал голос механик-водитель, не отрывая взгляда от триплексов кругового обзора. — Со спутника пришел пакет коррекции. Сейсмическая аномалия фиксируется правее по склону. Вход в старый дренажный тоннель через четыреста метров, за осыпью.

Воронов нахмурился. Его модифицированные кибернетические сетчатки зафиксировали едва уловимое дрожание интерфейса. Всего на микросекунду контрольная сумма навигационного пакета вспыхнула желтым маркером несоответствия, прежде чем бортовой компьютер затер ошибку.

— Довернуть вправо, — скомандовал капитан, но рука уже легла на тумблер ручного сброса автоматики. — Ско-

рость до двадцати. Орудие на двенадцать часов.

Многотонная туша броневика взревела форсированным дизель-генератором, разворачивая тяжелые мосты. Колеса с зубастыми цепями перемололи вековой бурелом и повернули в узкое ущелье, зажатое между двумя отвесными гранитными стенами.

Здесь не было никакого бункера.

Впереди высился глухой тупик — каменный обвал высотой в сорок метров, нависший над пропастью.

— Ловушка! — крикнул водитель, ударив по гидравлическим тормозам. Многотонную машину занесло на обледенелом щебне, развернув поперек узкой расщелины.

— Назад! Полный реверс! — рывкнул Воронов. Офицер корпоративной безопасности прекрасно знал, с кем имеет дело. Такой почерк невозможно было спутать ни с чем: изящный, почти невидимый подлог данных на канальном уровне. — Объект активен! Он перехватил радиоканал! Запустить «Стилеты»! Выжечь склон веерным поиском!

Крыша броневика с лязгом отошла назад. Из спаренных мортирных блоков с шипением вырвались пороховые газы.

Восемь цилиндрических контейнеров взмыли в свинцовое небо, раскрыли складные углепластиковые крылья и с пронзительным воем турбин превратились в стаю дронов-камикадзе. Они рассредоточились над ущельем, активируя оптические сканеры и носовые боеголовки с кумулятивно-фугасными зарядами. Любая тепловая сигнатура, любая радио-

эмиссия в радиусе двух километров обрекала цель на мгновенную детонацию.

— Дроны! — крикнула Алёна, наблюдая, как на мониторе панорамного обзора вспыхивают восемь алых треугольников. — Они в воздухе, Макс! Они перекрывают сектора! Сейчас запеленгуют выхлоп нашего геотермального контура!

Она рванулась к амбразуре, вскидывая карабин, но понимала: сбить восемь маневрирующих на скорости двухсот километров в час воздушных целей из ручного оружия невозможно. Это был конец.

В этот момент воздух в бункере задрожал.

Гул трансформаторов перешел в ультразвуковой свист. Жидкий азот в системе охлаждения капсулы вскипел, выбросив из клапанов клубы морозного пара. Контрольные панели озарились изумрудным огнем древних пиктограмм Создателей, не имевших ничего общего с земными скриптами.

[Внимание! Инициация сквозного резонанса] [Обнаружена внешняя распределенная боевая сеть: 8 автономных узлов] [Анализ топологии: Сегментированный роевой интеллект низкой степени интеграции] [Архитектор авторизован на физическом слое]

Сознание Максима не просто присутствовало в машине — оно стало самой средой распространения сигнала. Внутри виртуального Эдема он повел рукой, и исполинская цитадель

космического лифта отозвалась волной сырой, нефильтрованной энергии. Он перенаправил этот импульс через нейрешунт, выжав передатчик капсулы на предельную перегрузку.

[Система] [Формирование нового паттерна воздействия...] [Зафиксировано рождение системной мутации] [Открыт уникальный навык: «Синхронный кибер-взлом» (Ранг: Архитектурный)] [Описание: Позволяет проецировать законы системной деконструкции Эдема на физические микроэлектронные сети материального мира. Дистанция ограничена мощностью несущего передатчика.]

«Рассыпьтесь», — скомандовал Максим.

Эфирный импульс, прокатившийся над Саянским ущельем, не был обычной электромагнитной волной. Это был структурированный логический вирус, порожденный архитектурой цивилизации, строившей звездные миры.

Пройдя сквозь антенны дронов, пакет данных не стал взламывать пароли. Он атаковал саму базовую микропрограмму гироскопов и высотомеров, мгновенно переписав постоянную Планка в их математических библиотеках на ноль.

Полетные контроллеры «Стилетов» сошли с ума одновременно.

Первый дрон закрутило штопором, и он на полном ходу врезался в монолитную гранитную стену, разорвавшись ослепительной вспышкой. Второй спикировал в снежный нанос и сдетонировал, вызвав локальный оползень. Остальные шесть машин, потеряв ориентацию в пространстве, начали

хаотично сталкиваться в воздухе. Огненные шары вспухали один за другим, осыпая ущелье горящими обломками углепластика и титана.

Но импульс на этом не иссяк.

Используя обратную связь командного канала дронов как токопроводящую жилу, волна квантового сбоя ударила прямо в фасеточные антенны броневика.

Внутри боевого отделения «Цербера» с сухим треском взорвались все три сенсорных экрана. Из-под приборной панели повалил едкий белый дым горящих микросхем. Воронов едва успел закрыть лицо руками, когда вспомогательный силовой терминал выбило снопом электрических искр.

— Короткое замыкание по всей главной шине! — задыхаясь в дыму, закричал механик. — Электроника сгорела! Бортовой компьютер мертв! Двигатель заглох, гидрозамки переклинило!

— Выбирайтесь... через нижний люк... — кашляя, прохрипел Воронов, выбивая заклинившую бронедверь плечом.

Многотонный бронетранспортер превратился в груды мертвого металлолома, зажатую в каменном мешке под завалом. Чтобы эвакуировать экипаж, расчистить завал и пригнать тяжелый тягач с ремонтной платформой из базового лагеря корпорации, ликвидаторам понадобится не меньше полусуток.

[Защита: Тактическая победа на внешнем рубеже] [Угроза ликвидации органического носителя временно устране-

на] [Расчетное время безопасности физического сектора:
12 часов 18 минут] [Возврат к базовой задаче: Платформа
«Апекс». Три Печати Карантина]

В бункере повисла звенящая, неестественная тишина. Лишь шипел стравливаемый из трубок капсулы пар да глухо щелкали остывающие трансформаторы.

Алёна медленно опустила карабин. Ее руки, покрытые ссадинами и пятнами графитовой смазки, мелко дрожали. На экране оптического перископа сквозь оседающий снег было видно, как в глубине ущелья жадно полыхают останки корпоративного авангарда.

Они выжили. Максим выиграл для них половину суток. Двенадцать часов форы в холодных горах значили больше, чем целая жизнь.

Она сделала шаг к капсуле и прижала ладонь к прозрачной крышке.

— Макс... ты сделал это? — прошептала она, вглядываясь в неподвижные черты лица архитектора.

Криогель в ложе капсулы медленно успокаивался, приобретая прозрачность. Лицо Максима оставалось безмятежным, почти безжизненным, но на мониторе медицинского блока, среди сотен технических параметров, замигал новый, изолированный индикатор.

[Электромиография: Регистрация спонтанного моторного потенциала] [Периферический нервный узел: Правое пред-

плечье] [Статус: Проводимость аксонов восстановлена на 1,4%]

Алёна замерла, боясь сделать вдох.

На дне медицинской ванны, в вязкой бирюзовой толще питательного раствора, пальцы правой руки Максима дрогнули.

Сначала качнулся указательный палец, сбивая налипшие пузырьки кислорода. Затем сухожилия на запястье, атрофированные за два года неподвижности, натянулись струнами под бледной кожей. Медленно, преодолевая сопротивление мертвого тела, пальцы согнулись в фалангах.

Они не просто спазмировали. Движение было осознанным, тяжелым, подчиненным неукротимой воле запертого внутри разума.

Пальцы сжались в крепкий, жесткий кулак.

Максим возвращался. И когда замки космического шпиля падут, эта сила больше не останется запертой внутри виртуального мира.

Глава 4. Три ключа Хранителей

[Орбита: Периметр подножия Шпиля] [Температура среды: -18 °C] [Плотность мано-поля: 840 МПа/кв.м — Критический градиент] [Статус защитного барьера Создателей: Активен — 100%]

Орбитальный Шпиль взрезал плотные слои атмосферы подобно циклопическому черному копыю, выточенному из цельного монолита нейтронной керамики и закаленного вакуумом металла. Его основание уходило в коренную породу континентального плато на десятки километров, а верхушка терялась далеко за пределами стратосферы, в ледяной пустоте низкой околоземной орбиты. Там, на высоте четырехсот километров, мерцала цитадель Создателей — конечная точка протокола, недостижимая для смертных с момента Великой Катастрофы.

Максим стоял на выступе базальтовой террасы, глядя вниз. В его тактическом интерфейсе трехмерная проекция плато пульсировала тревожным багровым свечением.

Вокруг основания Шпиля, образуя равносторонний треугольник со стороной в четыре километра, возвышались три циклопические вспомогательные башни. Каждая из них представляла собой витой энергокатализатор, выкачивающий геотермальную и теллурическую энергию планеты. С их вершин в центральное тело Шпиля били непрерывные

ослепительно-белые дуги плазменных волноводов. Они питали первичный силовой купол — многослойную мембрану из уплотненного гравитационного излучения.

Пока эти башни функционировали, главный шлюз Орбитального Лифта оставался монолитной стеной.

[Внимание: Прямой штурм центрального шлюза невозможен] [Плотность отражающего экрана превышает расчетный урон кластера на 4200%] [Необходима одновременная десинхронизация трех узлов питания]

— Три узла. Три ключа деактивации, — глухо произнес Максим в общий тактический канал. Его голос, модулированный встроенным речевым фильтром композитного боевого доспеха, звучал ровно и сухо, без тени сомнений. — Если мы собьем тайминги хотя бы на две секунды, автоматика Создателей перенаправит резервные мано-шины, и контур замкнется заново. Повторного шанса плато нам не даст: термический выброс выжжет всю органику в радиусе пяти миль.

Перед ним в боевых порядках замерли ударные подразделения его клана. Шесть сотен ветеранов, прошедших сквозь ад нижних этажей и корпоративных рейдов. Люди, закованные в тяжелую силовую броню, снайперы-маги с дальнобойными кинетическими винтовками, конструкторы полевых дронов и биоморфные штурмовики. Они ждали приказа архитектора.

— Слушать распределение векторов, — развернул Мак-

сим масштабируемую голограмму над строем. — Башня Альфа. Генератор левого вектора. Там развернута тяжелая сеть кинетических турелей и плазменных рассекателей. Командует Торвальд. Твоя задача — проломить нижний ярус тяжелыми экзоскелетами, загнать энергощиты в режим предельной емкости и вырвать первый терминал с корнем. Бери с собой «Железных вепрей» и всю дивизионную артиллерию.

Высокий, закованный в титаново-адамантитовый доспех паладин коротко кивнул. Его тяжелый плазменный молот глухо ударил о нагрудную плиту.

— Снесем опоры, командир. Если потребуется — зубами перегрызу силовые кабели.

— Не нужно зубами. Работай по схеме частотной интерференции, я скинул пакет детонации в твой комлинк, — отрезал Максим. — Башня Бета. Правый вектор. Воздушный купол и роевые перехватчики Создателей. Скорость их реакции — восемнадцать миллисекунд. Валерия, это твоя цель. Все стрелки, рейнджеры с mano-фокусировкой и полевые операторы РЭБ переходят под твое начало. Подавите рой помехами, перегрузите сенсорные узлы дронов и активируйте импульсный вирус в системном терминале башни.

Валерия, закутанная в мерцающий хамелеон-плащ, проверила затвор длинноствольной винтовки с гравитационным ускорителем. В оптических линзах ее шлема отразились холодные расчетные таблицы.

— Займем гнезда за три минуты. Рой даже не поймет, откуда пришла компиляция сбоя.

— Башня Гамма. Тыловой узел, — продолжил Максим, переводя маркер на южную точку. — Сектор криогенного контура охлаждения. Там установлены генераторы абсолютного нуля. Любая ошибка в позиционировании превратит штурмовую группу в хрупкое стекло. Хаген, ты ведешь техномантов и алхимический саперный взвод. Используйте термические термитные заряды восьмого класса на питающих магистралях. Сожгите теплообменники до того, как система включит защитную заморозку.

Низкорослый жилистый техник в тяжелом сварочном щитке осклабил:

— Разложим их криостат на нестабильные изотопы, Архитектор.

— Теперь главное, — голос Максима стал предельно жестким. — Все три башни замыкаются на центральный узел распределения прямо под посадочной плитой Лифта. Там сидит главный маршрутизатор энергосети плато — управляющий конструкт высшего ранга. Пока вы будете ломать периферию, я пойду в центральный колодец один. Моя задача — замкнуть потоки на себя, принять ответный удар системы и перегрузить контроллер. Время Ч — через тридцать секунд после выхода на дистанцию атаки. Синхронизация по моему таймеру. Пошли.

Тяжелая поступь сотен бронированных ботинок сотрясла

каменное плато. Три отряда клиньями разошлись по трем направлениям, растворяясь в клубящемся у подножия Шпиля ледяном тумане.

Максим перевел дыхание. Внутренний интерфейс Архитектора развернул перед глазами диаграмму распределения личных параметров:

[Максим. Класс: Суверенный Архитектор Данжа] [Уровень: 43] [Мана: 14 800 / 14 800] [Вычислительный ресурс разума: 98,4%] [Конструктивная целостность брони: 100%]
[Активирован протокол: «Абсолютный контроль»]

Он активировал прыжковые компенсаторы на голених и шагнул с обрыва базальтовой террасы вниз — прямо в разверзнувшуюся пасть центрального технологического колодца.

[Секретный объект «Скала-4». Горный хребет Загрос]
[Реальный мир. Отсек жизнеобеспечения] [Внешняя температура: -32 °С. Скорость ветра: 28 м/с]

В подземном бункере пахло горелой проводкой, фреоном и застарелым железом. Настенные аварийные плафоны мигали тусклым янтарным светом, отбрасывая длинные рваные тени на бетонные перекрытия.

Алёна стояла у пульта управления криогенной капсулой, сжимая в заочевенных пальцах разводной ключ десятого калибра. Ее дыхание вырывалось из легких густыми белыми клубами пара — генератор обогрева пришлось заглушить

двадцать минут назад, чтобы уменьшить тепловую сигнатуру убежища.

На экранах пассивной локации за пределами гермодвери горели три четкие тепловые точки.

Корпоративные ликвидаторы подошли вплотную. Это был уже не передовой разведывательный дозор, разорванный минами в ущелье, а тяжелая штурмовая группа зачистки синдиката «Неотех-Орбитал». Тяжелые бронированные экзоскостюмы, оснащенные глубинными сканерами грунта и ультразвуковыми бурами. Они методично простукивали монолит скалы, слой за слоем срезая защитный камуфляж старой советской ракетной шахты.

— Десять минут, — прошептала Алёна, стискивая зубы так, что заболела челюсть. — У нас осталось максимум десять минут до вскрытия внешнего шлюза...

Она перевела взгляд на капсулу.

Прозрачный бронеколпак был покрыт паутиной мелких ледяных кристаллов. Внутри, в толще бирюзового раствора, покоилось тело Максима. То самое тело, которое два года оставалось неподвижным куском плоти с разорванными нервными связями шейного отдела.

Но сейчас экран нейромонитора чертил безумные, невозможные синусоиды.

[Нейроинтерфейс «Синнапс-7»: Частота синхронизации 14,2 ГГц] [Передача пакетов данных: 8,4 Тб/с] [Внимание: Обратная соматическая индукция] [Проводимость аксонов

спинного мозга: 3,8%... 4,2%... 5,1%] [Миогенный тонус скелетных мышц: Восстановление рефлекторной дуги]

Правая рука Максима, до этого сжатая в кулак, дернулась. Мышцы плеча и груди натянулись, словно под кожей пропустили электрический ток напряжением в тысячу вольт. Под веками спящего мужчины с бешеной скоростью метались зрачки. Он не просто вел бой внутри симуляции — архитектура системы Создателей перестраивала его физическую нейронную сеть, восстанавливая утраченные синапсы грубой, почти хирургической силой квантовой обратной связи.

— Давай, Макс, — Алёна положила ладонь на ледяной край капсулы, чувствуя, как сквозь стекло вибрирует корпус медицинского компрессора. — Ты должен сломать их там. Потому что здесь... здесь нам конец, если ты не проснешься.

Она развернулась к верстаку, отложила ключ и загнала тяжелый бронебойный патрон в патронник помпового карабина. В коридоре раздался первый глухой, отдающийся в зубах удар гидравлического тарана по внешнему титановому люку.

[Бой: Вспомогательные сектора] [Башня Альфа: Целостность генератора 42% — Критическое падение] [Башня Бета: Заражение системным вирусом 78%] [Башня Гамма: Температурный коллапс контура достигнут]

В ушах Максима гремел хор докладов лейтенантов сквозь треск статических разрядов:

— Вектор Альфа держит периметр! Мы вскрыли бронеплиты, закладывая плазменные связки! — орал сквозь грохот взрывов Торвальд. — Вектор Бета! Рой рассеян, терминал взломан, снимаем блокировки! — чеканила Валерия. — Вектор Гамма, контур заморожен намертво, шина питания лопнула! — докладывал Хаген.

— Фиксируйте тайминги! — скомандовал Максим, приземляясь на дно центрального технологического зала. — Одновременный сброс через тридцать секунд!

Его ботинки выбили сноп искр из решетчатого полимерного настила.

Зал представлял собой колоссальную сферу диаметром в триста метров, зависшую прямо под центральным стволом Шпиля. Здесь не было стен в привычном понимании — пространство ограничивалось силовыми кольцами гравитационных стабилизаторов, вращающихся в противоположных направлениях с чудовищной угловой скоростью. В центре сферы, в пустоте, пульсировала черная микросингулярность размером с кулак, удерживаемая дюжиной магнитных ловушек.

И прямо над ней парил страж.

[Внимание: Зафиксирован противник высшей категории угрозы] [Имя: Автономный Хранитель Гравитации] [Класс: Конструкт Древних / Страж Возвышения] [Уровень: 45] [Уязвимости: Не выявлены] [Особый статус: Повелитель локальной метрики пространства]

Конструкт не имел гуманоидной формы. Это был трехметровый октаэдр из тяжелого зеркального металла, грани которого непрерывно смещались относительно друг друга, словно сложнейшая механическая головоломка. Внутри его полупрозрачного ядра яростно пылала захваченная нейтронная звезда нулевой светимости.

Как только Максим сделал шаг вперед, октаэдр замер. Его грани с щелчком развернулись, обнажив линзу гравитационного фокусатора.

Низкочастотный гул заполнил сферу, перерастая в ультразвуковой визг, от которого на забрале шлема Максима побежали микротрещины.

[Бой: Активировано поле подавления «Тяжелая земля»]
[Локальный гравитационный градиент: 12G] [Скорость перемещения снижена на 85%]
[Конструктивная целостность брони падает: 98%... 94%...]

Максима вдавило в пол с чудовищной силой. Каждый килограмм его тела внезапно стал весить больше центнера. Решетчатый настил под ногами прогнулся, лопаясь в местах сварки. Суставы экзоскелета взвыли на пределе мощности сервоприводов, компенсируя нечеловеческую перегрузку. В глазах потемнело — кровь стремительно отливала от мозга к ногам, и автоматика медицинского подкастюма с шипением вогнала в бедренную артерию двойную дозу стимуляторов и синтетического оксигенатора.

Хранитель не стал ждать. Зеркальный октаэдр плавно кач-

нулся, и вектор гравитации внезапно... провернулся на девяносто градусов.

Для Максима «низ» мгновенно стал «левой стеной».

Он сорвался с настила и полетел горизонтально через стометровую пустоту зала, прямо навстречу бешено вращающимся лезвиям титанового стабилизатора. Скорость падения нарастала с ускорением свободного падения в двенадцать единиц.

[Внимание: Критическое сближение с препятствием — 1,2 секунды до столкновения]

Мышление архитектора работало на пределе квантового разгона. Никакой паники — только холодные уравнения динамики Ньютона и формулы манов-конструирования.

— [Архитектурный протокол: Опорная плоскость]! — мысленно рывкнул Максим, выбрасывая вперед правую руку.

В пяти метрах перед ним прямо из воздуха сконденсировалась полупрозрачная плита из застывшего полимерного эфира под углом в сорок пять градусов к траектории его падения.

Удар был страшен. Экзоскелет принял кинетическую энергию, заскрежетал демпферами, но плоскость сработала как трамплин. Максим не разбился в лепешку — его выбросило по дуге вверх, срезая вектор падения.

Хранитель Гравитации отреагировал мгновенно. Грани металлического октаэдра провернулись с сухим звоном, и

гравитационный колодец инвертировался.

[Локальный вектор: -15G. Режим «Антигравитационный сдвиг»]

Максима швырнуло к потолку сферы. Но в этот же миг в воздухе над ним возникли десятки линзовидных гравитационных аномалий — микроскопические сингулярности, искажающие проходящий свет. Пространство вокруг них скручивалось спиралями. Попади он хоть в одну — плоть и легированная броня были бы мгновенно спагеттифицированы приливными силами.

— Думаешь, ты единственный, кто понимает топологию полей? — прорычал Максим сквозь стиснутые зубы. — Я строил такие контуры, когда твой код еще компилировался в автоклавах Создателей!

[Суверенная способность: Векторный фазовращатель]
[Затраты маны: 3 500 единиц] [Цель: Собственное гравитационное ядро конструктора]

Вместо того чтобы сопротивляться антигравитационной волне, Максим активировал встроенные плазменные маневровые движки ранца на полную тягу, добавив собственное ускорение к силе броска босса.

Он летел на скорости свыше трехсот километров в час прямо в центр сингулярных ловушек.

За сотую долю секунды до контакта Максим выставил перед собой системный манипулятор архитектора — перчатку из витого сверхпроводника, испускающую плотный конус

когерентного мано-излучения.

Он не стал разрушать микро-сингулярности. Он связал их в единую интерференционную цепь.

[Внимание: Формирование замкнутого гравитационного волновода] [Вектор силы перенаправлен на источник излучения]

Хранитель Гравитации впервые за бой совершил не запрограммированное движение — его металлические грани дернулись, пытаясь захлопнуться в защитную сферу. Но было поздно.

Связанные воедино гравитационные линзы сработали как направленная линза Френеля. Вся чудовищная мощь отрицательного ускорения, помноженная на массу летящего на форсаже Максима, сфокусировалась в одну точку — в центральное нейтронное ядро стража.

Хранителя притянуло к собственной ловушке.

Он потерял стабилизацию, завертелся вокруг своей оси, а гравитационные поля внутри сферы начали рвать конструкт на части. Металл внешнего корпуса, рассчитанный на колоссальное внешнее давление, не выдержал внутреннего растяжения. По полированным зеркальным граням побежали глубокие изломы, из которых брызнул ослепительный фиолетовый свет перегруженных конденсаторов.

— Команды Альфа, Бета, Гамма! — крикнул Максим в канал связи, зависнув в невесомости в центре зала благодаря активированным контр-магнитам ботинок. — СБРОС СЕЙ-

ЧАС!

С трех сторон плато раздался единый, синхронный взрыв чудовищной силы.

Три плазменных дуги, бившие в центральный Шпиль, одновременно погасли. Лишившись внешней подпитки, стабилизационные кольца вокруг зала издали жалобный визг срезаемого металла и заклинили.

Энергетический баланс Хранителя Гравитации был окончательно уничтожен.

Октаэдр беспомощно завис, его внутреннее ядро пульсировало неравномерными, затухающими вспышками, пытаясь нащупать опору в разрушенной метрике зала.

Максим приземлился на верхнюю дугу заклинившего стабилизатора. В его руках материализовался тяжелый двуручный клинок из черного фотонного стекла — [Меч Архитектора: Деструктор Структур].

— Системный сбой. Твой протокол аннулирован, — произнес Максим и обрушил лезвие прямо в геометрический центр треснувшего октаэдра.

Клинок вошел в ядро, как раскаленная игла в воск.

Фотонная кромка дестабилизировала удерживающее магнитное поле. Вспышка яростного синего пламени осветила колодец на сотни метров вверх и вниз. Нейтронное ядро схлопнулось само в себя, издав короткий, похожий на всхлип хлопок вакуумного коллапса, и рассыпалось каскадом мерцающих системных искр.

[Бой завершен!] [Уничтожен: Автономный Хранитель Гравитации — Уровень 45] [Получено опыта: 1 850 000 единиц!] [Системный сдвиг: Поздравляем, вы достигли 44-го уровня!] [Вычислительный ресурс разума увеличен на 15%] [Доступно очков параметров: 10] [Открыт высший уровень доступа к протоколам Шпиля]

В воздухе, на месте погибшего конструкта, плавно вращался массивный артефакт. Он напоминал тяжелый многогранный кристалл из дымчатого кварца, внутри которого мерцала пойманная миниатюрная черная дыра, не оказывающая гравитационного воздействия на окружение.

[Получен ключевой предмет: «Ключ Восхождения — Ядро Невесомости»] [Категория: Артефакт Создателей (Легендарный)] [Назначение: 1 из 3 компонентов активатора Орбитального Лифта]

Тут же рация взорвалась ликующими криками:

— Командир, Башня Альфа зачищена! — орал сквозь помехи Торвальд. — С терминала выпал какой-то чертов железный стержень, весь светится рунами! Система пишет: [Ключ Кинетики]! — Башня Бета выполнила задачу, — доложила Валерия, ее дыхание было сбито, но в голосе звенело торжество. — [Ключ Вектора] у нас. — Гамма чиста, — лаконично подтвердил Хаген. — Ждем указаний.

— Все три ключа на месте, — выдохнул Максим, подхватывая зависший в воздухе кристалл. Металл перчатки зашипел от прикосновения к холодному артефакту. — Отрядам

немедленно стянуться к центральной посадочной платформе Лифта. Повторяю, всем занять позиции на платформе! Защитный периметр снят, но на наш шум сейчас сбегутся все элитные твари нижнего плато!

[Реальный мир. Объект «Скала-4»]

Гермодверь содрогнулась от мощного кумулятивного взрыва. Толстый пласт бронированной стали выгнулся внутрь полусферой, по краям посыпались раскаленные заклепки. В образовавшуюся щель хлынул едкий дым сгоревшего термита и морозный горный воздух.

Алёна стояла за опрокинутым титановым столом, положив ствол карабина на край металлической столешницы.

— Ну давайте, выродки корпоративные, — процедила она сквозь зубы. Слезы от едкого дыма застилали глаза, но мушкетерского оружия четко держала центр пролома.

В щель протиснулся манипулятор штурмового дрона с лазерным целеуказателем. Алёна плавно нажала спуск. Грохот выстрела в замкнутом пространстве оглушил ее, двенадцатимиллиметровый вольфрамовый дротик разнес сенсорный блок дрона в труху.

Из-за двери донесся искаженный динамиками голос командира ликвидаторов:

— Прекратить сопротивление! Сектор перекрыт. Сдайте биоматериал объекта «Архитектор», и вам будет сохранена жизнь в рамках трудового контракта корпорации!

— Поцелуй меня в гироскоп, ублюдок! — крикнула Алёна и выстрелила еще раз, вгоняя пулю в край пролома.

В ответ по броне стола ударила хлесткая очередь кинетических иголок. Стол завибрировал, металл начал истончаться под шквалом высокоскоростной керамики. Силы были несопоставимы.

И в этот момент позади нее раздался громкий, металлический щелчок.

Шипение гидравлики перекрыло даже грохот автоматной стрельбы. Замки капсулы жизнеобеспечения распахнулись. Питательный бирюзовый гель мутным водопадом хлынул на бетонный пол, омывая армейские ботинки девушки.

Алёна оглянулась через плечо.

Мужчина внутри капсулы сел.

Его движение было неестественно резким, механическим, словно двигатели экзоскелета преодолевали сопротивление нетренированных, атрофированных мышц. С его лица с плеском сорвалась дыхательная маска. Глаза Максима — абсолютно черные, без белков и зрачков, залитые жидким квантовым светом нейросети — распахнулись в темноте загазованного бункера.

Его парализованная два года шея повернулась к пролому в двери. Из горла вырвался тяжелый, сиплый, давно забывший звук человеческой речи вздох:

— Назад... Алёна...

[Игра: Основание Орбитального Шпиля] [Центральная платформа Орбитального Лифта]

Шесть сотен бойцов клана заняли круговую оборону на монолитном шестиугольнике платформы диаметром в полкилометра. С внешнего края плато на них уже накатывали волны защитных автоматов Создателей — шестиногие паукообразные шагоходы, тяжелые дроиды с плазменными резаками и хищные стаи летающих гарпий-перехватчиков.

— Держать строй! — гремел Торвальд, отбивая молотом прыгнувшего на щиты дрона. — Не пускать их на плиту!

Максим стоял в самом центре платформы, перед циклопическим триптихом — пьедесталом из темного сплава с тремя глубокими слотами сложной геометрической формы.

Рядом тяжело дышали командиры. Торвальд протянул [Ключ Кинетики] — тяжелый вороненый цилиндр, вибрирующий от скрытой мощи. Валерия вложила в руку Максима [Ключ Вектора] — тонкую призму из поляризованного кристалла.

Максим поднял над головой [Ключ Восхождения].

[Внимание: Обнаружены компоненты мастер-активатора]
[Инициация протокола «Небесный подъем»?] [Предупреждение: Процесс необратим. Достижение первой космической скорости через 4,2 секунды после запуска]

— Замкнуть ключи, — произнес Максим, глядя на приближающуюся лавину механических монстров. До передового строя врага оставалось меньше пятидесяти метров.

Он одновременно вогнал все три артефакта в разъемы пьедестала.

Глухой механический щелчок прозвучал громче любого грома.

Земля под ногами замерла. Все звуки внешнего мира внезапно исчезли, поглощенные абсолютным акустическим вакуумом. Затем циклопический пьедестал провернулся на пол-оборота, и три ключа сплелись в единый столб слепящего лазурного света, ударивший вертикально вверх — в бесконечное тело Шпиля.

[Система: Первичные замки сняты] [Гравитационные катушки Шпиля: Перегрузка — 100%] [Активация лифта Создателей]

Платформа под их ногами вздрогнула.

Тяжелые стопорные гидрозамки толщиной в трехэтажный дом со скрежетом вырвались из базальтовой скалы плато, срезая сотни тонн породы. Монолитная шестиугольная плита весом в миллионы тонн освободилась от планетарных оков.

Вокруг платформы с шипением развернулся полупрозрачный купол атмосферного удержания, отсекая наступающих автоматов. Те машины, что успели прыгнуть на край плиты, были мгновенно рассечены барьером на молекулярном уровне.

А затем гравитация исчезла.

Воздух за пределами щита взорвался сверхзвуковым

хлопком циклопической силы. Ударная волна сдула армию автоматов с плато, превращая металл и камень в пыль.

Платформа рванула вверх.

Она не разгонялась постепенно. Технологии Создателей презирали земную физику. Монолитный лифт пробил звуковой барьер за доли секунды, вонзаясь в хмурые грозовые тучи на скорости, превышающей все мыслимые пределы. Снизу распластанная земля, растерзанное войной плато и горные хребты превратились в плоскую, стремительно удаляющуюся карту.

Они летели сквозь стратосферу навстречу открытому космосу — прямо в сердце Орбитального протокола.

Глава 5. Битва на платформе

Удар перегрузки вдавил бы человека в палубу, обратив скелет в осколочное месиво, если бы компенсационные контуры Создателей не срезали девяносто восемь процентов инерции. Оставшиеся два процента ощущались как налившийся свинцом чугунный пресс, вбивающий подошвы магнитных ботинок в ребристый металлокерамический настил.

Километровый шестигранник грузовой платформы неся вертикально вверх вдоль натянутого в струну нанотроса толщиной с фабричную трубу. Этот трос — монолитный пучок углеродных нанотрубок, прошитый сверхпроводящими шинами, — уходил в зенит, исчезая в свинцовом брюхе грозового фронта.

[Орбита: Высота — 18 400 метров] [Вертикальная скорость: 11,4 Маха] [Атмосферный барьер: Целостность — 94,8%] [Сила трения о внешнюю среду: Экстремальная]

Снаружи защитного поля бушевал крошечный ад. Воздух не успевал расступаться перед километровым диском, летящим на гиперзвуке, и спрессовывался в светящуюся плазменную подушку. За тонкой гранью лазурного купола ревело ослепительное белое пламя. Температура за бортом перевалила за четыре тысячи градусов, но внутри периметра стояла неестественная, жуткая тишина, нарушаемая лишь утробным басовым гулом несущих гравитационных катушек.

Люди Максима — остатки штурмовых групп, инженеры и выжившие бойцы передового авангарда — судорожно крепили страховочные карабины к монтажным рымам палубы. Шесть сотен разумных на гигантской плите посреди ревущей бездны.

— Всем занять сектора согласно боевому расписанию! — голос Максима, усиленный командным модулем интерфейса, ударил по открытому тактическому каналу без помех. — Магнитные захваты на максимум. Не смотреть за щит. Смотреть в свои прицельные сетки. Это не эвакуация. Это прорыв по вертикали.

Перед его глазами мерцала расширенная тактическая сетка архитектора. Векторы сил, распределение термических напряжений на кромках плиты, диаграмма распределения маны между восемнадцатью вспомогательными узлами удержания. Платформа держалась на трех силовых кабелях гравитационного захвата, скользящих по центральному нанотросу. Если срезать хотя бы два — платформа сорвется с направляющей, купол схлопнется, и набегающий сверхзвуковой поток за доли секунды распылит миллионы тонн композита вместе с биологическими телами.

И Демиург это знал.

[Внимание: Множественные воздушные контакты]
[Классификация: Биомеханические штурмовые единицы «Стрикс», роевые перехватчики «Игла-4»] [Дистанция перехвата: 12 километров. Сближение на встречных курсах]

— Воздух! — рывкнул в эфире командир тяжелого взвода Громов, скидывая шестиствольный роторный пулемет на экзоскелетном шарнире. — Они падают сверху! Прямо сквозь плазму!

Сквозь огненную завесу купола, пробивая ионизированный след платформы, падали черные точки. Они не просто летели — они пикировали по расчетным траекториям упреждения, используя гравитационный колодец планеты для бешеного разгона.

Сотни. Тысячи.

Биомеханические гарпии Демиурга — гротескные твари из хитина, вольфрамовых костей и пульсирующих синаптических кабелей. Размах серповидных крыльев достигал четырех метров; вдоль ребер охлаждения горели багровые огни плазменных резак. Между ними роились клиновидные дроны, похожие на граненые стальные наконечники стрел, стабилизируемые микросоплами маневровых двигателей.

— Архитектор, они идут не на нас! — крикнула Кира, перехватывая тяжелый снайперский комплекс. Ее пальцы в бронеперчатках легли на сенсорную панель спускового механизма. — Их маркеры залочены на несущие узлы!

— Вижу, — холодно отозвался Максим.

В его сознании развернулась схема аппаратных шлюзов платформы. Архитектурный резерв маны составлял сорок две тысячи единиц. Слишком мало для пассивной глухой обороны на высоте двадцать километров. Слишком много,

чтобы сдать без боя.

— Инициализация протокола «Бастион-Периметр», — произнес он вслух, активируя системную шину. — Подтверждаю расход структурных матриц.

Из технических колодцев палубы с визгом сервоприводов поднялись двенадцать тяжелых турельных платформ. Металл материализовался прямо из заложенных в базу нанитовых запасов: сдвоенные кинетические рельсотроны с жидкостным охлаждением, спаренные с импульсными лазерами ближнего перехвата.

[Система: Оборонительный контур развернут] [Автоматический захват целей: Активен] [Приоритет: Защита силовых кабелей нанотроса]

Первая волна гарпий пробила плазменный кокон купола.

Термический щит платформы был рассчитан на диффузное трение газа, но твердые тела с высокой кинетической энергией проходили сквозь него с шипящим взрывом. Десятки тварей вспыхнули, превратившись в пылающие факелы, но инерция несла их вперед. Их вольфрамовые когти были покрыты высокочастотными виброрезвиями, визжащими на ультразвуке.

Гарпии рухнули на палубу стаей обезумевших хищников.

Рельсотроны рывкнули синхронно. Сверхзвуковые вольфрамовые дротики распорили разреженный воздух внутри купола, оставляя за собой светящиеся инверсионные следы ионизации. Первую шеренгу летающих тварей разорвало в

ключья: черная биомеханическая жижа, осколки керамических пластин и обрубки серповидных крыльев брызнули во все стороны, барабана по настилу.

[Бой: Уничтожено 48 биомеханических единиц] [Энергия турелей: 88%] [Сектор 3: Критическое сближение противника]

— Огонь по готовности! Держать строй! — орал Громов. Его роторник взвыл, выплевывая стену свинца и разрывных мана-патронов.

Пехота открыла заградительный огонь. Трассеры переkreщивались под куполом, создавая смертоносную паутину. Твари гибли сотнями, но их массы хватало, чтобы продавливать периметр. Одна из гарпий, объятая пламенем и лишенная половины крыла, врезалась в корпус первой турели. Взрыв контактной мины на ее брюхе разворотил поворотный механизм орудия, раскидав расчет прикрытия.

Два десятка дронов-перехватчиков вонзились прямо в основание центрального пилона, где силовые кабели скользили по нанотросу. Из их корпусов выстрелили термит-инжекторы, вгрызаясь в стопорные муфты.

Металл кабеля зашипел, раскаляясь добела.

[Внимание: Правый несущий кабель поврежден на 14%]
[Угловое смещение платформы: 1,8 градуса] [Риск срыва с направляющей: Высокий]

Максим рванул вперед.

Магнитные подошвы отключились на долю секунды, поз-

воля сделать десятиметровый прыжок с компенсацией остаточной гравитации, и вновь намертво приварились к палубе у основания пилона. В его правой руке материализовался Мономолекулярный расщепитель, напитанный пульсирующей фиолетовой энергией пустотного класса.

Взмах клинка перерубил двух гарпий пополам до того, как они успели расправить когти. Разворот корпуса, импульсный выброс маны через левую ладонь — кинетическая волна сдула шестерку нападающих дронов с направляющей стойки, швырнув их прямо в раструб рельсотронной турели, которая в упор разнесла их в металлическую пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.